

УДК 821.161.1-1(Ахматова А.):
821.161.1-1(Бродский И.)
ББК ШЗЗ(2Рос=Рус)6-45

ГСНТИ 17.07.29

Код ВАК 10.01.01

А. М. Сапир
Бар Харбор, США

«ПОБЕДИВШЕЕ СМЕРТЬ СЛОВО»: ТВОРЧЕСКАЯ ПЕРЕКЛИЧКА А. АХМАТОВОЙ И И. БРОДСКОГО

Аннотация. Тема статьи двухаспектная. Аспект 1-й: «Победившее смерть слово» — сегодня, спустя более полувека со дня смерти А. Ахматовой, несколько утратил свою злободневность, хотя и сохранил актуальность в свете постановки вечных вопросов поэзии: что такое поэзия и каково ее назначение в обществе. Аспект 2-й: А. Ахматова и И. Бродский, как участники переключки, воспринимаются и прочитываются иначе, чем вне ее. Это дает возможность переосмыслить их отношение к Слову, Языку, Поэзии — как жизненному призванию, миссии, что в условиях несвободы становилось подвигом. Согласно И. Бродскому, именно такой подвиг совершила А. Ахматова, став голосом «стомиллионного народа», наделив Словом «глухонемую Вселенную». Постановка темы позволила по-новому рассмотреть стихотворение А. Ахматовой «Мужество» и стихотворение И. Бродского «На столетие Анны Ахматовой».

Ключевые слова: стихотворение-памятник; Вселенная; русская поэзия; русские поэты; поэтическое творчество.

A. M. Sapir
Bar Harbor, USA

«THE WORD THAT CONQUERS DEATH» (A. AKHMATOVA AND J. BRODSKY: «TWO VOICES ARE EXCHANGING VIEWS»)

Abstract. The purpose of this research is twofold. Aspect 1: «The word that conquers death» - today, fifty years later from the death of Anna Akhmatova, this aspect somehow lost its relevance but although it remained relevant in the light of posing eternal questions of poetry: what is poetry and what is its purpose in society. Aspect 2: Anna Akhmatova and Joseph Brodsky, as participants of so-called «two voices are exchanging views»¹ are perceived and read differently than outside it. Their kinship gives an opportunity to rethink their attitude toward mission of the Word, Speech and also to the vital aim of poetry per se whose existence in a totalitarian regime is a feat. According to Joseph Brodsky, Anna Akhmatova performed a feat, representing the voice of the «hundred-million people» and by «obtained the gift of speech in the deaf-mute space ocean»². The presentation of the topic also allowed to review and give a new interpretation to the poem «The Courage» by Anna Akhmatova and the poem «On The 100th Anniversary of Anna Akhmatova» by Joseph Brodsky.

Keywords: significant poem; Universe; Russian poetry; Russian writers; poetry writing.

Слышится мне на воз-
душных путях
Двух голосов переключки.
А. Ахматова

Ахматова — исключение.
(...) Она была единствен-
ным голосом в течение 40
лет. Это был ее долг, воз-
ложенный на ее плечи исто-
рией, временем.
И. Бродский

«Мне довелось помнить её мужество не одного ка-
кого-нибудь года — десятилетий.

И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.

Слово — не музейная реликвия, и хранить его —
значит творить его. Творить в **нем**, творить **им**, сотво-
рять **его** заново (выделено мной — А. С.). Ахматова —
из тех, кто хранит — сотворяет — русское слово. Ка-
кое мужество, какой подвиг выше этого?

И внукам дадим, и от плена спасём
Навеки!

В 1942 году русское слово спасать приходилось
от немецкого плена. Но разве и сейчас оно не в пле-
ну? И не требует спасения — ежедневного?» [Чу-
ковская 1997, т. 2: 280–281].

Сама Ахматова признавалась, что она только и
делала, что боялась. Замечательно возражение
Л. Чуковской: она боялась, но при этом написала
«Реквием» и многое другое: «Бесстрашие Ахмато-
вой, главным образом, в поэзии, в великой поэзии
(...) Это и есть для поэта самое выразительное бес-
страшие» [Чуковская 1997, т. 2: 280–281].

Переключка Анны Ахматовой и Иосифа Брод-
ского стала возможной, потому что их понимание
СЛОВА совпадало по существу: «Главный долг пи-
сателя перед обществом состоит в том, чтобы пи-

На похоронах А. Ахматовой И. Бродский
услышал: «С уходом Ахматовой кончилось...» —
«Ничто не кончилось, ничто не могло и не может
кончиться, пока существуем мы». Рудольф Баршай,
приводя этот диалог, заключает: «И действительно,
своими писаниями и воспоминаниями Бродский
помог продлить бытие Ахматовой для следующих
поколений, тем самым её «воскрешая» [Цит. по:
Дорман 2013: 11–12].

Итак, Бродский продлил бытие Ахматовой.
Это, в свою очередь, продлило жизнь её СЛОВУ —
«великому русскому слову». Клятву на верность
СЛОВУ она произнесла в военном 1942, ещё до по-
воротной битвы под Сталинградом, в стихотворении
«Мужество», но мужество понадобилось Анне Ах-
матовой на протяжении всей её жизни. Вот как го-
ворит о её жизненном подвиге Лидия Чуковская:

¹ Цит. по [Akhmatova 1990: V. 2 314].

² Цит. по [Brodsky: <https://www.poemhunter.com/poem/on-the-100th-anniversary-of-anna-akhmatova>].

сать хорошо³. Эстетика — это мать этики. Именно это хотел сказать Достоевский, когда утверждал, что красота спасёт мир» [Полухина 2008: 244]. Не могу не привести мнения Дерека Уолкотта, глубоко понявшего отношение И. Бродского к языку и поэзии: «Иосиф был человеком, который жил поэзией. (...) Он очень гордился тем, что он поэт и что его так называют. (...) Он был трудягой, и невозможно отделить его труд от него самого. (...) Он лучший пример поэта-профессионала из всех, кого я знаю» [Цит. по: Полухина 2006, т. 2: 403]. По утверждению Уильяма Уордсворта, умевшего за внешним поведением человека прозревать его духовную сущность, Бродский был **логотенистом** [Полухина 2006, т. 2: 437]. А сам И. Бродский, отвечая на вопрос «Что такое для вас язык?», сказал: «Нечто мистическое. Нечто огромное. Неясно, откуда он взялся. В языке столько, что мы не используем одну десятую его богатства. (...) Мы пришли в язык, а не создали его. Мы открываем язык, каждое поколение открывает язык» [Цит. по: Полухина 2009: 28]. Но и в контексте акмеизма, к которому принадлежала А. Ахматова, мы видим «преимущественное внимание к языку», которое предполагало «особую роль слова», когда «слово становилось высшей реальностью». «Отсюда и особые эпитеты слова: «Божественное», «Пречистое», «священный глагол», «царственное», «каменное», «непоправимое», «неповторимое», а в цикле «Шиповник цветёт» шиповник превратился в слово» [Цивьян 1989: 29–33].

Сказанное даёт нам право утверждать, что оба поэта творили в едином семантическом поле переключки, не закончившейся со смертью одного из них — Анны Ахматовой. Таким образом, цель статьи — увидеть в новом освещении их произведения: «Мужество» А. Ахматовой и «На столетие Анны Ахматовой» И. Бродского, в которых в полной мере раскрылись их личности.

Среди аспектов анализа будет выделен и такой: почему СЛОВО Ахматовой победило в борьбе с огромной репрессивной полицейской машиной, пытавшейся «дезаурировать» её идеи, вымарать её имя из списка живущих и творящих.

Знавшие Ахматову отмечали её «всеотзывчивость» [Тименчик 2014, т. 1: 17]. «Переключка...». Состоять в переключке, слышать ГОЛОСА предшественников, современников и потомков и отвечать на них — естественное состояние поэта и человека А. Ахматовой, осознаваемое ею как дар. Она называла себя «наследницей» и была таковой — наследницей Данте, с которым не расставалась на протяжении всей жизни, наследницей А. Пушкина (именно о том, что наследовала она, читая Пушкина, работая над «Пушкинскими штудиями», всматриваясь в места, где бывал Пушкин, само стихотворение «Наследница»). Мы станем свидетелями её переключек с поэзией Н. Некрасова, В. Маяковского, О. Мандельштама и других современных и живших

прежде. Тем более интересна переключка с И. Бродским, поэтом совсем иного поколения, за которым она видела будущее российской поэзии. И. Бродский видел в ней средоточие «прощенья и любви». Видел личность, способную переродить, сделать лучше общающегося с ней, читающего её. Пушкинский протеизм в Ахматовой естественно дополнялся тем, что Пушкин называл «самостояньем». Только такая личность способна участвовать в переключке на равных. Позиции поэтов нашли самое полное воплощение в стихотворении «Мужество» и «На столетие Анны Ахматовой». Напомню тексты стихотворений.

Мужество

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мёртвыми лечь,
Не горько остаться без крова, —
Но мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесём,
И внукам дадим, и от плена спасём
Навеки!

23 февраля 1942. Ташкент⁴

На столетие Анны Ахматовой

Страницу и огонь, зерно и жернова,
секиры острее и усечённый волос —
Бог сохраняет всё; особенно — слова
прощенья и любви, как собственный свой голос.
В них бьётся рваный пульс, в них слышен костный хруст,
и заступ в них стучит. Ровны и глуховаты,
затем, что жизнь — одна, они из смертных уст
звучат отчётливей, чем из надмирной ваты.
Великая душа, поклон через моря
за то, что их нашла, — тебе и части тленной,
что спит в родной земле, тебе благодаря
обретшей речи дар в глухонемой вселенной.

1989. Лондон⁵

Так получилось, что стихотворение «Мужество» прошло через всю жизнь поэтессы — с момента написания до последних месяцев жизни. В документальном фильме, который демонстрировался в момент получения премии Этна-Таормина (1964)⁶, звучало стихотворение «Мужество».

Казалось бы, стихотворение, написанное в год великого противостояния и содержащее в своём художественном мире все детали этого противостояния, должно быть предано забвению в связи с окончанием войны. Но этого не произошло. Ответ на вопрос «почему?» — в самом стихотворении. «Свободным и **чистым** тебя пронесём...» — вот какими словами предваряются заключительные пафосные слова стихотворения: «И внукам дадим, и от плена спасём / Навеки!»

Эпитет «чистым» заставляет переосмыслить не только все последующие слова стихотворения, но и

³ В статье «To Please a Shadow» Бродский писал: «If a poet has any obligation toward society, it is to write well. Being in the minority, he has no other choice. Failing his duty, he sinks into oblivion» [Brodsky 1987: 359].

⁴ Цит. по [Ахматова 1999, т. 2: 116].

⁵ Цит. по [Бродский 2008, т. 2: 343].

⁶ Сегодня это Международная премия имени Анны Ахматовой.

предыдущие. «Мужество» — это стихотворение не только о войне с фашизмом, точно так же, как «великое русское слово» — не только о Слове. Речь идет о противостоянии цивилизации (христианской — в этом сходились оба — А. Ахматова и И. Бродский) и варварства. В стихотворении, как в «Реквиеме», уже завершённом и хранящемся в надёжном месте — в памяти Л. Чуковской, Ахматова говорит от лица миллионов. Как сказано ею в другом стихотворении, 1923 года: «Я — голос ваш, жар вашего дыхания, / Я — отраженье вашего лица. / Напрасных крыл напрасны трепетанья, / Ведь всё равно я с вами до конца...». Под словом «варварство» Ахматовой подразумевалось многое. Это прежде всего варварство советской эпохи, в которую, вследствие террора в отношении собственного народа (большевистский переворот, узурпация власти, гражданская война, голодомор, раскулачивание, бессудные расправы и уничтожение инакомыслящих и т. п.), было уничтожено до 30 миллионов граждан.

Это жесточайшая цензура, пагубно сказавшаяся на искусстве, литературе, это тот занавес, который отгородил отечественную культуру от западноевропейской. В «Мужестве» таятся не только голоса живых, но и мёртвых писателей. «Сохрани мою речь!» — вопль и замученного Мандельштама, и множества других. Вот атмосфера, в которой было произнесено прозорливое и победительное слово Ахматовой. В стихотворении «Все ушли, и никто не остался...» она убедительно сказала об этом:

Осквернили пречистое слово,
 Растоптали священный глагол,
 Чтоб с сиделками тридцать седьмого
 Мыла я окровавленный пол.
 Разлучили с единственным сыном,
 В казематах пытали друзей,
 Окружили невидимым тыном
 Крепко слаженной слезки своей.
 Наградили меня немотою,
 На весь мир окаянно кляня,
 Обкормили меня клеветою,
 Опоили отравой меня
 И, до самого края доведши,
 Почему-то оставили там.
 Любо мне, городской сумасшедшей,
 По предсмертным бродить площадям⁷.

Публикация в газете «Правда», органе ЦК ВКП(б), не спасла стихотворение от подозрительности. Ангажированная критика (другой просто не существовало) верно почувствовала, что в стихотворении не тот патриотизм, какой считался официальным, что этот патриотизм по сути «почти ОМОНИМИЧЕН» (по слову Р. Тименчика) произведением государственного реализма. Неприятие стихотворения и разгромная критика его произошли после Постановления ЦК КПСС и доклада А. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград» в августе 1946 г. Постановления, при жизни А. Ахматовой не отме-

нённого. «Приливы» и «отливы» не заставили поэта что-либо изменить в стихотворении потому, что оно — концептуальное.

Что же подвергалось сомнению или даже полному неприятию в стихотворении? Разнообразным по силе нападкам прежде всего подверглось СЛОВО, во всей его многозначности. Основная претензия, варьируясь, состояла в следующем: в стихотворении будто бы речь идет всего лишь о защите слова, а не Родины, Отечества или страны. Подвергалась нападкам система доказательств, что равносильно развитию сюжета. А в нём — отрицательные сравнения, использованные А. Ахматовой в параллельных конструкциях, поддерживающих и тем усиливающих друг друга:

Не страшно под пулями мёртвыми лечь,
 Не горько остаться без крова...

Вот характерный пример. Эти строчки виделись (слышались?) писателю Л. Никулину, занимавшему позицию «штатного пропагандиста», по-другому:

«Не страшно под пулями мёртвыми лечь,
 Но⁸ («sic!») горько остаться без крова...»
 [Тименчик 2005: 14].

Поражает глухота (если это глухота...). Л. Никулин словно не понимает недопустимости противопоставления «под пулями мертвыми лечь» и «остаться без крова» — того, что одинаково трагично для А. Ахматовой. Его оставляет равнодушным в стихотворении ахматовский лиризм, одушевляющий ее чувство родины. Ощущение опасности, нависшей над «родной землей», ощущение своей земли, уходящей в глубокую даль времен, и земли, которая пребудет, пока жив ее язык (ср. с пушкинским: «Доколь в подлунном мире жив будет хоть один пиит».) «Доколь в подлунном мире...» — так обозначено пространство (слагаемое ХРОНОТОПА) в художественной Вселенной, созданной А. Ахматовой в стихотворении. С одной стороны, оно ограничено, но с другой — стремится к бесконечности. Таково же и время. Его пульсация — нерв стихотворения. Можно заметить движение от «Мы» (читай: наше поколение, нынешнее) — к «внукам» — поколению будущего. От «ныне», происходящего сейчас, — к «навек»; и от образов «часов» и «весов» (меры) — к тому же образу вечности («навек», то есть безмерности). От параллелизма строк «не страшно под пулями мертвыми лечь» и «не горько остаться без крова», заостряющих внимание на возможных жертвах, — к образу того, ради чего приносятся жертвы, — ради спасения «Великого русского слова». «Великое русское слово» и есть «Родная земля». Это движение одушевляется не логикой рассуждений, а

⁷ Это стихотворение было исключено из сборника, подготавливаемого издательством «Советский писатель». Цит. по: Памяти Анны Ахматовой: Стихи, письма, воспоминания. Paris: YMCA-Press, 1974.

⁸ Разнобой в использовании союзов И и НО в строчке «И (НО) мы сохраним тебя...» говорит, во-первых, о разном, существовавшем в публикациях. И, во-вторых, о том, что, зная о нем, и автор, и Л. Чуковская, свидетель написания стихотворения и публикации его в газете «Правда», принимали разные смысловые оттенки союзов.

логикой чувств, душевным движением. В этом огромная притягательная сила стихотворения.

Образ «родной земли» в «Мужестве» прямо соотносится с «родной землей» в одноимённом стихотворении:

Мы крошим и мельчим, громоздим и ворошим
Этот бедный, ничем не замешанный прах.
Мы ложимся в неё и становимся ею,
Оттого и зовем так свободно своею.
[Ахматова 1999, т. 2, кн. 2: 120].

Стихотворение «Мужество», как истинно художественное целое, обладает удивительной цельной структурой: все элементы ее взаимосвязаны и являют свои смыслообразующие способности только в этой взаимосвязи. Поэтому так важна в стихотворении единая сквозная мелодия, идущая по восходящей. Произведение завершается в тот момент, когда в последней строке, в последнем слове, — «навсегда!» — звучит искомым итогом — единственно возможным. Мы наблюдаем то же восхождение, что и в стихотворении И. Бродского «На столетие Анны Ахматовой»: от угрозы смерти и всеобщего уничтожения к торжеству жизни, от того, что обозримо, от «сегодня» — к вечным и непреложным законам Вселенной.

Л. Чуковская вспоминает, как А. Ахматова, ознакомившись с претензией редактора: «строчка-де не завершена»; «стихотворение следовало бы доработать», — иронизировала по этому поводу: ведь речь шла не просто об укороченной строке, а о ЖАНРЕ стихотворения. Это — единственное и отдельно стоящее — слово скрепляет, словно печать, данную поэтом КЛЯТВУ. Стихотворение — клятва, присяга. Но позволить А. Ахматовой произнести клятву или присягу было нельзя по идеологическим соображениям. Поэт и современник А. Ахматовой С. Спасский в «Письмах о поэзии» назвал стихотворение «Мужество» «словами присяги, данными всей русской литературой» [Спасский 1945: 119]. И тут же последовал окрик Н. Маслина, одного из соавторов доклада Жданова: «Эта попытка автора (С. Спасского) превратить Ахматову в наставницу, в знамя советской поэзии может только повредить развитию современной поэзии и самой Ахматовой» [Цит. по: Тименчик 2014, т. 2: 179].

«Наградили меня немотою...» — это сказано о десятилетиях вынужденной немоты, когда она не могла ответить на клевету, когда ее не печатали, когда искажали и личность, и творчество. Но написанное и даже напечатанное, как стихотворение «Мужество» — в России, «Реквием» — в Мюнхене, говорило само за себя. В пылу полемики А. А. Ахматова даже утверждала, что они с Л. К. Чуковской создали свой, особый жанр — они писали свои произведения не **после** события, а **во время** («В страшные годы ежовщины», как сказано во вступлении к поэме «Реквием»). Так кто же она, А. Ахматова, написавшая «Мужество», «Реквием», «Защитники Сталина» и другие, столь же непохожие на официально признанные произведения? Перед современником была всего лишь альтернатива: Ахматова или «внутренняя эмигрантка» (мнение

официального критика Лелевича. Его статья о поэте названа «Несовременный современник»), или «жила ритмами своего времени» («... Когда я писала их (стихи), я жила теми ритмами, которые звучали в героической истории моей страны. Я счастлива, что жила в эти годы и видела события, которым не было равных») [Цит. по: Тименчик 2005: 404]. Наиболее прозорливые считали, что альтернативой не исчерпывается проблема. Они понимали, что эти произведения — о том, что такое дар и как следует относиться к нему, они понимали, что соприкасаются с отношением к дару как назначению — миссии. Одним из таких прозорливых был А. А. Якобсон⁹. Стихотворение называется «Анна Ахматовой»:

Но, извиваясь от удушья,
Вручая крестной муке плоть,
Россия, как велел Господь,
В ту пору возлюбила душу:
Себе самой могилу рыгь,
Любые вынести глумленья,
Но душу спрятать, душу скрыть
Спасти — живую — от растленья.
Надёжный отыскать сосуд,
Чтоб в нём душа, как хлеб в котомке,
А там — какой угодно суд
Пускай произнесут потомки.
В одной крови себя избить,
В одном дыханье претвориться —
В напернице своей судьбы,
В сестре, избраннице, царице.
Найти такую. И обречь
На муки. И — святынь святей —
Собою заслонив, сберечь
От тысячи смертей¹⁰.

Есть некоторое сходство между стихотворениями Якобсона и Бродского в образной системе, в некоторых сюжетных коллизиях, в пафосе. Я не вполне разделяю слова Якобсона о предназначенности и избранности. В них, мне кажется, несколько преувеличена роль судьбы, а мне представляется, что А. Ахматова действовала более сознательно, исполняя свою миссию. Скупое, но внятно в стихотворении И. Бродского это подчеркнуто: он употребил сравнительную степень прилагательного: «Они (слова) из смертных уст звучат отчетливей, чем из надмирной ваты».

Итак, перед нами важнейшая «реплика» в переключке двух поэтов — стихотворение И. Бродского «На столетие Анны Ахматовой». Я как бы держу в руках оба конца всей **цепи (переключки)** — подобное ощущение испытывал, помнится, герой рассказа А. Чехова «Студент». Это было «духоподъёмное» переживание.

Стихотворение написано в 1989 г., но замысел его возник, как мне представляется, в момент посещения И. Бродским могилы А. Ахматовой в Комаро-

⁹ А. А. Якобсон — поэт и общественный деятель, в течение двух лет он был одним из составителей и редакторов подпольной самиздатской «Хроники текущих событий» (№№ 1–17).

¹⁰ Полностью стихотворение напечатано в книге Л. Чуковской «Записки об Анне Ахматовой» (Т. 2, с. 778–781). Там же рассказано о его трагической судьбе.

ве. Неприятие памятника-надгробия вызывало буквалистское изображение мытарств поэтессы при жизни («загробным китчем» назвал его Бродский). Он приходит к главному выводу: писать об Ахматовой следует, **подчеркивая сделанное ею — ее подвиг.**

И. Бродский словно бы подслушал желание, выраженное А. Ахматовой еще в 1955 г. Это удивительно, потому что они тогда не были даже знакомы. В этом году А. Ахматова открыла для себя арию Дидоны из оперы Пёрселла «Дидона и Эней» (впоследствии она станет любимой и для И. Бродского). Вот эта ария:

Thy hand, Belinda, darkness shades me,
On thy bosom let me rest,
More I would, but Death invades me;
Death is now a welcome guest.
When I am laid, am laid in earth,

May my wrongs create
No trouble, no trouble in thy breast;
Remember me, remember me, but ah! forget my fate.
Remember me, but ah! forget my fate¹¹.

Привожу эти слова по-английски, как их впервые прочла А. Ахматова. Последняя строчка — «Помни меня, но не мою участь» — помогли И. Бродскому сформулировать задачу стихотворения-памятника.

«Deus conservat omnia» (Бог сохраняет всё) — надпись на фронтоне Фонтанного дома, во флигеле которого десятилетия жила Ахматова. Слово «сохраняет» антитетично по отношению к тому ряду предметов, которые с лёгкостью могут быть уничтожены: страница — огнем, зерно — жерновами, усеченный волос — острием секиры. Антитетичны также Бог, который сохраняет, и смерть, буквально витающая в первой строфе. Наконец, выделены Бродским спасаемые Богом **СЛОВА прощенья и любви (особенно слова...)**, перефразируемые И. Бродским, и его собственные слова о ее способности изменить к лучшему человека, и слова самой поэтессы:

Ржавеет золото и истлевает сталь,
Крошится мрамор — к смерти всё готово.
Всего прочнее на земле печаль
И долговечней — царственное слово.
(«Кого когда-то называли люди Царём в насмешку...»,
1945)
[Ахматова 1999, т. 2, кн. 2: 114].

Вот в каком нравственном ореоле входит А. Ахматова в стихотворение. Становится понятно, что стихотворение не о смерти, что оно — надгробие, а памятник. О нем можно сказать словами Горация, взятыми затем А. Пушкиным в качестве эпиграфа к своему «Я памятник себе воздвиг нерукотворный», — «Eхegi monumentum».

Стихотворение-памятник строится как «расширяющаяся Вселенная» (выражение друга и переводчика Бродского Аллана Майерса). В основании — девиз рода Шереметевых как реализуемая метафора.

Драматизм стихотворения развивается композиционно и сюжетно средствами поэзии и средствами музыки. Сама музыка не звучит, но она присутствует в воображении. Это музыка Пёрселла, композитора XVII в., нерасторжимо связанная с образом А. Ахматовой. Бродский интересовался музыкой барокко ещё до встречи с Ахматовой. Но именно она, возвращаясь из Англии после вручения ей почетной докторской степени, передала Бродскому пластинку с музыкой Пёрселла — подарок английского поэта Стивена Спендера. Бродский слушал музыку месяцами, пока не выучил наизусть. Опера Пёрселла «Дидона и Эней» закрепляла в сознании Бродского связь между музыкой, образом главной героини (в отличие от стихов Вергилия в опере главная героиня Дидона) и образом Ахматовой, какой она виделась ему, прежде всего в любимом им цикле «Шиповник цветет». В нем Ахматова, вписывая себя в далекую историческую эпоху, предстает в образах женщин трагической судьбы, в том числе и Дидоной: «Мне с Морозовою класть поклоны, / С падчерицей Ирода плясать, / С дымом улетать с костра Дидоны, / Чтобы с Жанной на костер опять...» («Последняя роза»).

И. Бродский признавался, что учится композиции у музыки («Это было скорее влияние формальное (...) в области организации стихотворения, но отнюдь не в его содержании» [Петрушанская 2004: 210]). Однако в стихотворении такой плотности мысли «содержание» не осталось нейтральным к последовательности, взаимопроницаемости и взаимозависимости того, что составляет микрокосм и макрокосм стихотворения. И так, уже в первой строфе Ахматова предстает избранницей. Избранницей Бога, сохраняющего «слова прощенья и любви, как собственный свой голос». Затем, как того требует музыка барокко, амплитуда захватываемого стихом пространства ширится. Именно в этой строфе та самая сравнительная степень — «отчетливей» («звучат *отчетливей*, чем из надмирной ваты»), которое выводит подвиг Ахматовой на новый уровень постижения. «Жизнь одна», и она была служением, преодолением «надмирной ваты». И, если «рванный пульс» несет отпечаток физического состояния страдающей аритмией поэтессы, «ровны и глуховаты» — альтового тембра ее голоса, то все остальные образы: «костный хруст», «заступ в них звучит» — метафорически преобразованное преодоление того, что препятствовало исполнению миссии.

В стихотворении-памятнике, согласно традиции, шестистопный ямб, но, как справедливо заметил Лев Лосев, друг И. Бродского и исследователь его творчества, стихотворный размер также используется как средство изображения героини. Такова воспетая современниками «царственность» Ахматовой, ее похоть на трагических героинь Данте, Расина и Корнеля. В похотности нет уподобления или подражания. Речь идет о способности А. Ахматовой «воссоздавать и в жизни, и в поэзии некий высший уровень чувств и переживаний» [Цивьян 1989: 30].

Лев Лосев добавляет: «Он (И. Бродский) достигает эффективной экономии средств, материализуя царственность образа Ахматовой в трагедийном размере,

¹¹ Цит. по [Тименчик 2005: 80].

вместо того чтобы разбавлять лапидарный текст стихотворения прямыми сравнениями» [Лосев 1989].

Итак, вторая строфа стихотворения — это образ Ахматовой, в котором на первый план выходит достоинство и готовность во что бы то ни стало исполнить свое назначение. Мы ощущаем движение сюжета, ощущаем расширяющуюся вселенную, пока еще глухонемую. Мы видим смертную женщину, которая на наших глазах обретает готовность исполнить волю Бога — «найти слова» и дать их «глухонемой вселенной». Здесь необходимо показать преемственность (и — соответственно — переключку Ахматовой и её предшественников, прежде всего с Н. Некрасовым и В. Маяковским). Н. Некрасов говорил о «стенаниях» мужика (читай: простого народа), который «создал песню, подобную стону, и навеки духовно почил...» [Некрасов 2014, т. 2: 18]. Отсутствие языка, по Некрасову, есть духовная смерть.

Современник А. Ахматовой, Владимир Маяковский, пишет об улице, которая «корчится, безъязыкая, ей нечем кричать и разговаривать» [Маяковский 1998: 80]. Она «корчится», то есть мучается. Но, как заметила Л. Чуковская, «при первом восприятии поэзия Ахматовой не поражает новизной форм — как, скажем, поэзия Маяковского. Слышатся и Баратынский, и Тютчев, и Пушкин — иногда, реже, Блок. В ритмике, в движении стиха, в наполненности строки, в точности рифмовки. Сначала кажется, что это тропочка, идущая вдоль большой дороги русской классической поэзии. Маяковский оглушительно нов, но при этом не плодоносящ, не плодотворен: он поставил русскую поэзию на обрыв. Ещё шаг — и она распадется. Следовать за ним нельзя — придёшь к обрыву, к полному распаду стиха. Тропочка же Ахматовой оказывается на деле большой дорогой, традиционность ее чисто внешняя, она смела и нова и, сохраняя внешнее обличье классического стиха, внутри него совершает землетрясения и перевороты. (...) Следом за стихом Ахматовой можно идти, не повторяя и не подражая, а продолжая, следуя ей, традицию великой русской поэзии» [Чуковская 1997, т. 1: 135–136].

Преданный Ахматовой читатель ощущал в ее стихах личность, в ее судьбе — подвижничество, в ее жизненном поведении — пример стойкости и несломленности. Когда Ахматова произносила «Мы», когда «кричала» от имени «стоимильонного народа», каждый, кто в этот момент вынужденно молчал, начинал ощущать себя человеком, обретшим речь. Лирическое напряжение ее поэзии, а значит и воздействия, было завораживающим — оно втягивало в свою орбиту. По словам Корнея Чуковского, «сталинская полиция разбила об Ахматову. Обывателю это, пожалуй, покажется чудом — десятки тысяч опричников, вооружённых всевозможными орудиями пытки — напали на беззащитную женщину, и она оказалась сильнее. Она победила их всех. Но для нас в этом нет ничего удивительного. Мы знаем: так бывает всегда. Слово поэта всегда сильнее всех полицейских насильников. Его не спрячешь, не растопчешь, не убьешь» [Тименчик 2015, т. 2: 383].

В третьей, итоговой, строфе стихотворения

И. Бродского завершается *инициация* Анны Ахматовой. Личностные качества, общественное служение сделали её «*vox populi*», и в этом качестве она стала «*vox Dei*». Тема стихотворения, как она видится Л. Лосеву, — «Пресуществление Бога в словах поэта». Ахматова свершила подвиг: благодаря ей «глухонемая Вселенная» обрела *слово, язык, речь*.

Великая душа, поклон через моря
за то, что их нашла, — тебе и части тленной,
что спит в родной земле, тебе благодаря
обретшей речи дар в глухонемой Вселенной.

На этой высочайшей ноте завершается стихотворение. На высочайшей ноте отзвучала и ария Дидоны из оперы Пёрселла «Дидона и Эней». В день похорон, вспоминает И. Бродский, он поставил иглу на последнюю бороздку — на любимую арию «Remember me!».

А. Ахматова — Великая душа — «душехранительница»¹².

ЛИТЕРАТУРА

- Ахматова А. А. Собрание сочинений: в 6 т. — М.: Эллис Лак, 1999. — 4984 с.
- Бродский И. А., Волков С. М. Вспоминаю Ахматову: диалоги. — М.: Независимая газета, 1992. — 50 с.
- Бродский И. А. Осенний крик ястреба. Собрание сочинений: в 2 т. — СПб.: Азбука-классика, 2008. — 640 с.
- Дорман О. В. Нота. Жизнь Рудольфа Баршая, рассказанная им в фильме Олега Дормана. — М.: АСТ; Corpus, 2013. — 353 с.
- Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка: Толково-словообразовательный: в 2 т. — М. Русский язык, 2000. — 1088 с.
- Лосев Л. В. Иосиф Бродский. Опыт литературной биографии. — М.: Молодая гвардия, 2006. — 447 с.
- Лосев Л. В. На столетие Анны Ахматовой (1989) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://silverage.info/na-stoletie-anny-ahmatovoj/14/> (дата обращения: 10.09.2017).
- Маяковский В. В. Библиотека поэзии. — СПб.: Диамант, 1998. — 442 с.
- Некрасов Н. А. Полное собрание стихотворений. — М.: Директ-Медиа, 2014. — 641 с.
- Петрушанская Е. М. Музыкальный мир Иосифа Бродского. — СПб.: Изд-во «Звезда», 2004. — 352 с.
- Полухина В. П. Большие самого себя. О Бродском. — Томск: ИД СК-С, 2009. — 416 с.
- Полухина В. П. Иосиф Бродский. Жизнь, труды, эпоха. — СПб.: Изд-во «Звезда», 2008. — 528 с.
- Полухина В. П. Иосиф Бродский глазами современников. Кн. 2 (1996–2005). — СПб.: Изд-во «Звезда», 2005. — 544 с.
- Тименчик Р. Д. Анна Ахматова в 1960-е годы. — М.; Toronto: Водолей Publishers, Toronto University Press, 2005. — 784 с.
- Тименчик Р. Д. Последний поэт: Анна Ахматова в 1960-е годы. — М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2014. — 1224 с.
- Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. — М.: Солиас, 1997. — Т. 1. — 544 с.; Т. 2. — 832 с.; Т. 3. — 544 с.

¹² «Анне Андреевне Ахматовой — душехранилице России» — этими словами Якобсон сопроводил своё стихотворение (см. сноску № 10), которое послал в дар поэтессе [Тименчик 2014, т. 2: 420].

Цивьян Т. В. Кассандра, Дидона, Федра // Литературное обозрение. — 1989. № 6. — С. 29–33.

Akhmatova A. The complete poems of Anna Akhmatova. — Somerville, MA, U.S.A., Zephyr Press, 1990. — 948 p.

Brodsky Joseph. Less than one: selected essays. — New York : Farrar, Straus & Giroux, 1987. — 512 p.

REFERENCES

Akhmatova A. A. Sobranie sochineniy: v 6 t. — M.: Ellis Lak, 1999. — 4984 c.

Brodskiy I. A., Volkov S. M. Vspominaya Akhmatovu: dialogi. — M.: Nezavisimaya gazeta, 1992. — 50 c.

Brodskiy I. A. Osenniy krik yastreba. Sobranie sochineniy: v 2 t. — SPb.: Azbuka-klassika, 2008. — 640 c.

Dorman O. V. Nota. Zhizn' Rudol'fa Barshaya, rasskazannaya im v fil'me Olega Dormana. — M.: AST; Corpus, 2013. — 353 c.

Efremova T. F. Novyy slovar' russkogo yazyka: Tolkovno-slovoobrazovatel'nyy: v 2 t. — M. Russkiy yazyk, 2000. — 1088 c.

Losev L. V. Iosif Brodskiy. Opyt literaturnoy biografii. — M.: Molodaya gvardiya, 2006. — 447 c.

Losev L. V. Na stoletie Anny Akhmatovoy (1989) [Elektronnyy resurs]. — Rezhim dostupa: <http://silver-age.info/na-stoletie-anny-axmatovoj/14/> (data obrashcheniya: 10.09.2017).

Mayakovskiy V. V. Biblioteka poezii. — SPb.: Diamant, 1998. — 442 c.

Nekrasov N. A. Polnoe sobranie stikhotvoreniy. — M.: Direkt-Media, 2014. — 641 c.

Petrushanskaya E. M. Muzykal'nyy mir Iosifa Brodskogo. — SPb.: Izd-vo «Zvezda», 2004. — 352 c.

Polukhina V. P. Bol'she samogo sebya. O Brodskom. — Tomsk: ID SK-S, 2009. — 416 c.

Polukhina V. P. Iosif Brodskiy. Zhizn', trudy, epokha. — SPb.: Izd-vo «Zvezda», 2008. — 528 c.

Polukhina V. P. Iosif Brodskiy glazami sovremennikov. Kn. 2 (1996–2005). — SPb.: Izd-vo «Zvezda», 2005. — 544 c.

Timenchik R. D. Anna Akhmatova v 1960-e gody. — M.; Toronto: Vodoley Publishers, Toronto University Press, 2005. — 784 c.

Timenchik R. D. Posledniy poet: Anna Akhmatova v 1960-e gody. — M.: Mosty kul'tury; Ierusalim: Gesharim, 2014. — 1224 c.

Chukovskaya L. K. Zapiski ob Anne Akhmatovoy. — M.: Soglasie, 1997. — T. 1. — 544 c.; T. 2. — 832 c.; T. 3. — 544 c.

Tsiv'yan T. V. Kassandra, Didona, Fedra // Literaturnoe obozrenie. — 1989. № 6. — С. 29–33.

Akhmatova A. The complete poems of Anna Akhmatova. — Somerville, MA, U.S.A., Zephyr Press, 1990. — 948 p.

Brodsky Joseph. Less than one: selected essays. — New York : Farrar, Straus & Giroux, 1987. — 512 p.

Данные об авторе

Ася Михайловна Сапир — Заслуженный учитель Российской Федерации, одна из создателей гуманитарного лицея № 40, Екатеринбург (Бар Харбор).

E-mail: asyasapir@gmail.com.

About the author

Asya Michailovna Sapir, Honored Teacher of Russian Federation, one of the founders of the Humanities Lyceum № 40, Ekaterinburg (Bar Harbor).